

А. Семанов

СТИХОТВОРЕНИЯ

надоевших тесных чулках квартир
за кулисами дневных лицедеев
дискантом дверь и басом сортир
кухонный пир
однокомнатный мир
разговоров лиц и действий
происходит театр теневой
стенной
в четвертом пространстве стен
голоса зашепелят
о мой и не мой
происходит жизнь с вином и виной
в ожидании перемен

х х х

бесконечного танца движений джиггел лад
словно белых на синем чаек морских облачий
темнокурый эбрис и неуловимый взгляд
зазеркальный
русалочий
птичий

словно волны прилива лавурно прильнут к тебе
выпадаю как бисер прелестных прозрений
словно грудь твоя
нажной волной при ходьбе
как под ветром кусты сирени

х х х

вдруг очнуться
шорох и тихий звук
среди голых деревьев
двуцветных мишеней
в диаграммы домов вписать торопливый стук
торопливых шагов и незрелых решений

только тень прикоснется к ночному слепому стеклу
тишина набухает опавшими голосами
и назад посмотреть
на разрезанном тенью углу
невозможно ночными глазами

х х х

под звяк и бульк проходит вечер
и топчут музыку и ржут
- брезгливо подрагивают свечи -
взятое в очередь орут
кривясь гротеском человеческим
картаво дергается шут

ангел мой
прости
приди
невидимыми крыльями
ты соловей
невидимые снахны
как прижатые камня прямыми линиями
прорастают сизовъ снех сны

повернется к тебе лицо беззащитное
и вневаянная глаз глубина
и волшебную книгу неслышно зачитывая
ступит в души твои голубая весна

х х х

отзвучат
отзвонят
отстучат
попритихнут тонкие стены
и немолком голодных волчат
словно ключья соленой пены
побегут босиком слова
спотыкаться
сплетаться
дразниться
забеременевает голова
и бумага станет страницей

даже помисли и грехи
себе своему неведомые
обнаженно вбегут в стихи
словно в поле майские вепьи

х х х

Н.К.

хутор
накопивший морозы и солнце
с баней и журавлем и следом конит лесных
в зарослях рослой травы искоса смотрит на ели
каплями лета усталый блеск срезеструганных бревен
капает время в щель деревянной бадьи у колодца
потное тело земли терпеливо его принимает

хозяйин

закопирши седины и строчки
с польско запальчивой верностью предкам эстонским
кипяти работа огонь и прочие вещи
губкой времени лес качнется в волне заката
трудные камни полей звездами вспыхнут на небе
гулкие валюхи земли терпеливо колышет сумрак

дом

все-таки дом
накопирши пожары и бегства
предков простой покой героичного рабства
больших белых одежд и надежд ожиданий
взятых взаими и путей пустые дороги
чаща минула сна а время осталось
тени забытой земли в нем терпеливо блуждают

х х х

и так хотел попасть в ерусалим

и. бурихин

особенно теперь когда ноябрь
расставил ветры четырьмя углами
и несогаренная снежная крупа
в баламде дня перлово несъедобна
небес не видно
но они недалеко
теперь дышать легко

особенно когда трещат дрова
и бог печи смеется глазом красным
прекрасный галилейский жар пустынь
прорвется в комнату проколотым пространством
и время нам по стойкам разольют

неважно все
особенно уют

когда ни жизнь не впадет в оковы
ни дом достроить на песке и прахе
и день за днем расяты на плацу
порхают письма голубиной почтой
мечтаешь о первичном
и престом
скрепками времена крестом

когда слеза по лужам ноября
бормочет ветер тикаясь в колени
блуждает ночь как осмелевший зверь
и небо плачет белыми слезами
и в близкую единственную дверь
раздастся стук
особенно теперь

х х х

где веселье увесисто виснет облаками белесыми
копоть влажная метит натыну стен
и заботы веющие бредут белоглазыми бесами
за занавес урта закрытых семейных сцен

здесь о встрече невидимой помнить не любят заранее
в упорном отпоре пустым плаксивым ветрам
так серьезно вдут на урок и концерт ахтерано
в схематично готический храм

х х х

и несколько гвоздей забитых в стену
останутся
и прожуют автомобили
невольное неудобство причиняя
смирившимся и скромным пешеходам
собачьи теноры и баритоны
вплетутся в борзотание эфира
и ресторанно радостную песню
из окон
утреннее доверчиво открытых
в пустую безнадежность магазина
толпа старух
болтливых терпеливых
в спячках парочка усталых пьяниц
и глуховатый среди них старик
словесности севильской озорник
навски разлюбив десятков скромных строк
которые лаская вчера
надеясь
их участь — по рукам пойти
хотя
мне это все равно теперь
теперь
мне тоже хочется поставить ногу в стремя
наполнить парус ветром
и вином — хрустальный кубок
и лептать устам
их музыку имен среди поцелуев
оставив время в дураках
и даже
на ужин истукана пригласить
а впрочем
все это вадор

покухная трава и наухлятый двор
чужой наемный щипи дом
беспомощное небо
беспомощной страны
и странные надежды
в садны осени зачем-то вилетены
поленьев стук приятен топору
их треск - печи
а после
ремка водки
последние во тьме автомобили
забито в стену несколько гвоздей
и ночь
сложив часы
перевернет страницу
остынет печей бывшего огня

- - - - -
- - - - -

так в чем же
был замесел нечезнувшего дня
?

х х х

Лене Варгафтик

возвращение в город
задуманный как цитата
спутанный имена
подтасовку дворцов
к дати
где первому всаднику
свихнувшемуся над рекой
делает ручкой по-родственному
шаршая другой

где смыленная немка
прячет героев под юбку
в гастроном комедий
выкат толпой как губка
и каналы смакивает
на неправильный перевод
голландского везланда
на скуку окобских болот

возвращение в город
где пушка бормочет вслух
беломора окурки горькие
в скорбных губах старух
телефоны таинственно тремькают
и бесхитростные подонки
безопасно и белозубо
сверчкуют на стенкой тонкой
где сумасшедшие девчонки
отдаются стихам и скандалам
и давность и давность встречается
в душной давке вокзала
где ночь пригнулась вечером
а утро скучно как бред
и слезы мерцают в доме
которого нет

возвращение в город
задуманный по эвлянду
задуманный по скуратову
разигранный по евриниду
где колонны классичных фасадов
лаконичны латинской прозой
где голые римляне в лицах
сиграют
боясь мороза
где странными наваждениями
блуждают самоубийцы

и в краях покинутых гнезда
~~перелетных птиц~~

вьют некрасивые птицы
в этот город
тщательных планов
и тщетных простых решений
запутанная бессмыслица
бесчисленных возвращений

х х х